

К Р О К О Д И Л

1942
ФЕВРАЛЬ

23

ПОНЕДЕЛЬНИК

*День
Красной
Армии*

Бор. Ефимова-42

Рис. Бор. Ефимова

БЕРЛИНСКИЙ ХОР: — Что день, то короче к могиле наш путь...

Подарок снайпера Иванова (ко Дню Красной Армии).

Правильный товарищ

Он казался с виду простоват —
Шапка, куртка и штаны на вате.
Был в руках у парня автомат,
В четырех карманах по гранате.

В чесаные валенки обут.
Улыбнется, — значит, дело сварил.
И недаром все его зовут
«Правильный товарищ»

С этим немец встретиться не рад
Ни в дороге, ни в колхозной хате,
Потому — у парня автомат,
В четырех карманах по гранате.

Где немецкий лагерь у реки, —
Едим дымом понесло с пожарами.
Говорят с улыбкой старики:
— Правильный товарищ!

Кто-то подорвал у немцев склад.
Был он в маскировочном халате,
На ремне подвешен автомат,
В четырех карманах по гранате.

Мечутся фашисты по селу.
Не уйдешь, и хат в селе не спалишь,
Потому что действует в тылу
Правильный товарищ.

Он казался с виду простоват —
Шапка, куртка и штаны на вате,
Был в руках у парня автомат,
В четырех карманах по гранате.

Виктор ВАРМУЖ.

Действующая армия.

С кем воюет наш боец

Вот сидит компания. Все как будто порядочные люди. Пьют чай. Или кофе.

Вдруг приходит новый гость. С добродушной улыбкой на лице он подает руку и представляется:

— Ганс грабитель...

Хозяин квартиры подобострастно увивается вокруг знаменитого гостя и говорит:

— Господа, подвиньтесь. Дайте место Гансу. Вам чай или кофе?.. Да, знаете ли, господа, кто присутствует среди нас? Это тот самый Ганс, который в субботу ограбил квартиру в соседнем переулке. Он еще там — вот лотеха! — старушку укукошил. Попросим уважаемого Ганса рассказать нам что-нибудь интересное из своей богатой и замечательной практики.

Все кричат восторженно:

— Просим! Просим!

Но знаменитость пьет чай в накладку и, чувствуя всеобщее внимание к своей особе, ломается.

Нет, он сегодня не будет рассказывать. Он не в голосе.

— Вот что, господа, — говорит Ганс. — Мы наднях начали издавать свой орган. Ежедневная газета. Называется «Звонкий голос бандита». Там и почитайте. В последнем номере я подробно в порядке обмена опытом со старыми коллегами и для обучения молодняка рассказываю о некоторых своих работах. Очень любезно получилось...

Читатель, ты недоверчиво качаешь головой. Ты недоумеваешь: «Что за чушь? Неужели порядочные люди могут принимать у себя бандита и вести подобные разговоры? Скорее всего это похоже на воровскую «малину», на пригон для уголовных субъектов!»

Читатель, ты прав и на сей раз. В обществе настоящих людей ничего такого, конечно, быть не может.

Но есть в Европе «малина». Называется она

«гитлеровская Германия». Там в любви и холе грабители и бандиты.

И там грабители и бандиты откровенно рассказывают на страницах газет о своих уголовных поступках — старикам на послушанье, молодым на лоученье.

В немецкой газете «Брюсселер цейтунг», в номера от 30 января, помещена большая статья ефрейтора Вейнекка «Как грелись пехотинцы».

Храбрый немецкий ефрейтор описывает свои боевые подвиги. Пусть все немцы в тылу знают, какую беспримерную доблесть проявляли солдаты германской армии на русском фронте.

Так вот послушайте, как они грелись.

Ефрейтор повествует:

«Из захваченных одежд и шуб мы изготовляли разнообразные вещи...»

Где они «захватывали» одеяла и шубы? В бою? В смелых атаках?

Об этом автор пропагандистской статьи о методах грабежа умалчивает. Но он тут же с огорчением добавляет:

«Немногим удалось раздобыть (вы слышите: раздобыть! — Г. Р.) себе шубу, сапоги, меховые шапки».

Но все-таки как же они грелись? Ефрейтор дает точный ответ на этот вопрос:

«В каждом населенном пункте мы охотились (!) за мехами. Таким образом некоторые из нас раздобыли меховые воротники к шинелям и меховые стельки для сапог...»

Так, оказывается, греются бандиты. Все очень просто: охотились за мирными жителями и раздобыли.

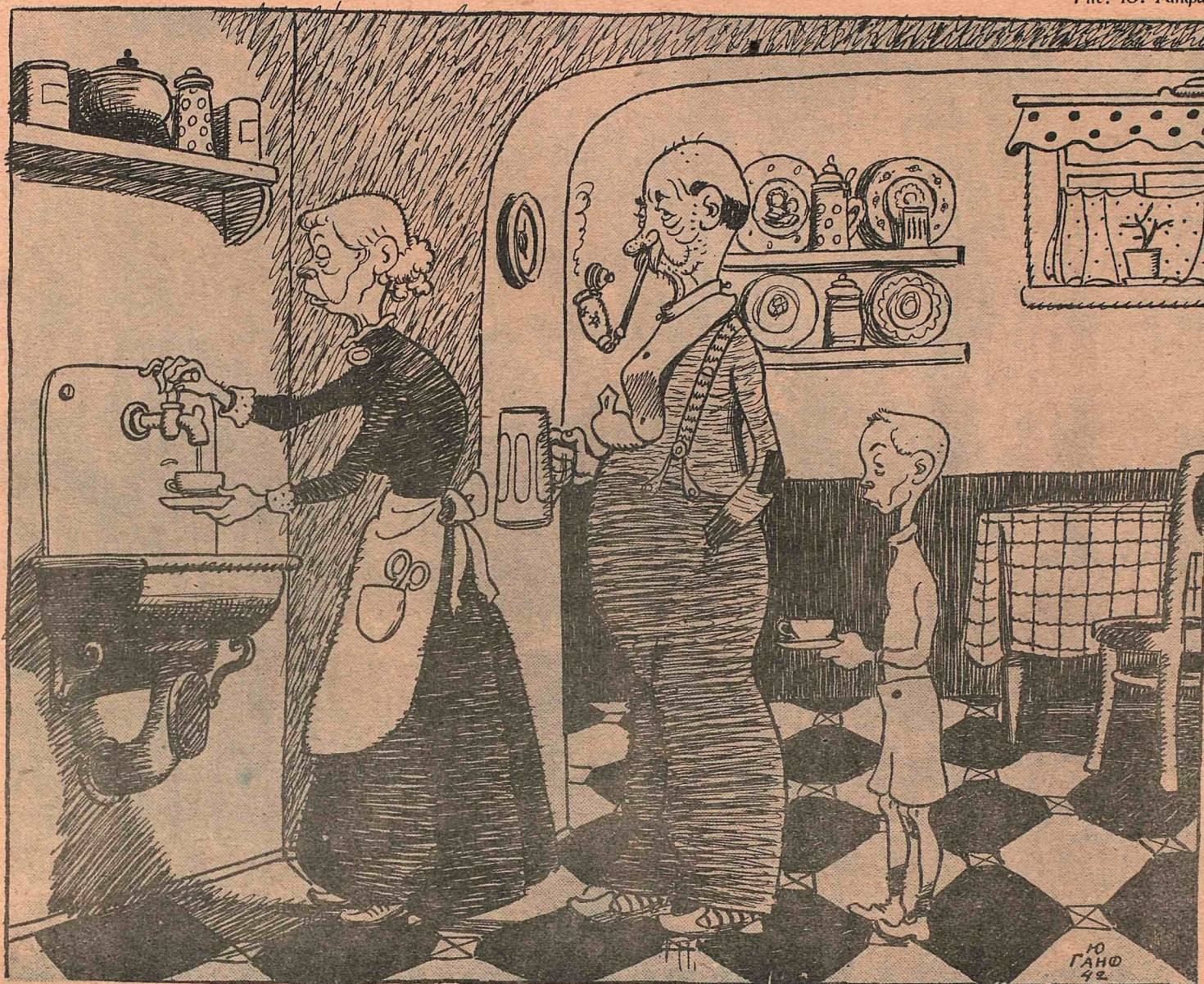
Новое в уголовной практике — грабители печатают статьи в газетах, в которых хвастливо описывается грабеж.

Вот что такое теперешняя Германия!

Вот кто такие ее солдаты и офицеры!

Вот с кем воюет наш боец!

Г. РЫКЛИН

— Наконец-то у нас полное совпадение вкусов! А раньше, бывало, папа пьет пиво, мама — кофе, а я — чай.

Последний раунд Бернгардта ✓

ПОСЛЕДНИЙ и решающий раунд начался в два часа ночи. До этого, как говорят боксеры, противники прошушывали друг у друга слабые места.

Участниками этого необыкновенного боксерского состязания были: известный немецкий боксер Густав Бернгардт и человек, временно пожелавший остаться неизвестным.

Необыкновенность состязания была во всем. Правила боя были такие: противники могли применять любой прием. Больше того — им разрешалось использовать в драке любое оружие, они могли кусать друг друга... Словом, участникам состязания разрешалось все! Никаких запрещенных приемов!

Состязание происходило при очень скудном освещении. Зрители могли видеть только силуэты дерущихся. Вы можете себе представить, с каким захватывающим интересом наблюдали они эту необыкновенную драку.

Итак, решающий раунд начался в два часа ночи. Положение противников такое: Бернгардт спокойно стоит, широко расставив ноги, всей своей фигурой выражая презрение к опасности. Человек, пожелавший остаться неизвестным, находится от него в пяти шагах. Он лежит, словно дразня Бернгардта: дескать, ну смотри, я уже лежу на земле, бросайся на меня. Но Бернгардт, видимо, не хочет на-

падать первым. Он продолжает стоять; но, видимо, для того, чтобы еще больше сказать о своем презрении к противнику, он начинает мурлыкать песенку: «Моя милая очень строга, но я умею сделать ее ласковой».

Возможно, что именно эта песенка вывела из терпения человека-инкогнито. Он быстро вскочил и одним прыжком оказался рядом с Бернгардтом. Ловкий удар по ногам — и Густав Бернгардт валится на пол... Вынужден, он валится на снег и притом в канаву...

...Извини меня, читатель, за маленькую интригу. Все дело в том, что это происходит на войне, недалеко от Ладожского озера. Густав Бернгардт — это известный немецкий боксер, находившийся на военной службе в германской армии, а человек-инкогнито — это красноармеец Кораблев. Зрители — четверо красноармейцев, которые вместе с Кораблевым были в глубокой ночной разведке.

Густав Бернгардт стоял в дозоре у дороги, и на него напоролась наша разведка. Решили: надо взять немца втяную и скинем доставить к себе. Операцию взялся выполнить Кораблев.

Конечно, если бы он знал о том, что ему придется иметь дело с известным немецким боксером, он, может быть, не решился бы на единоборство, но он узнал об этом только

на другой день, в штабе своей части, а сейчас ему приходилось туго. Правда, он занял вынужденное положение: он сел верхом на спицы с ног Бернгардта и не давал ему подняться.

Немецкий боксер защищался отчаянно, он пытался бить Кораблева локтями, головой, ногами. Зачем говорить «пытался»? Он довольно больно бил Кораблева. Однако сбросить с себя красноармейца Бернгардту не удавалось. Тогда знаменитый боксер начал кричать, звать на помощь.

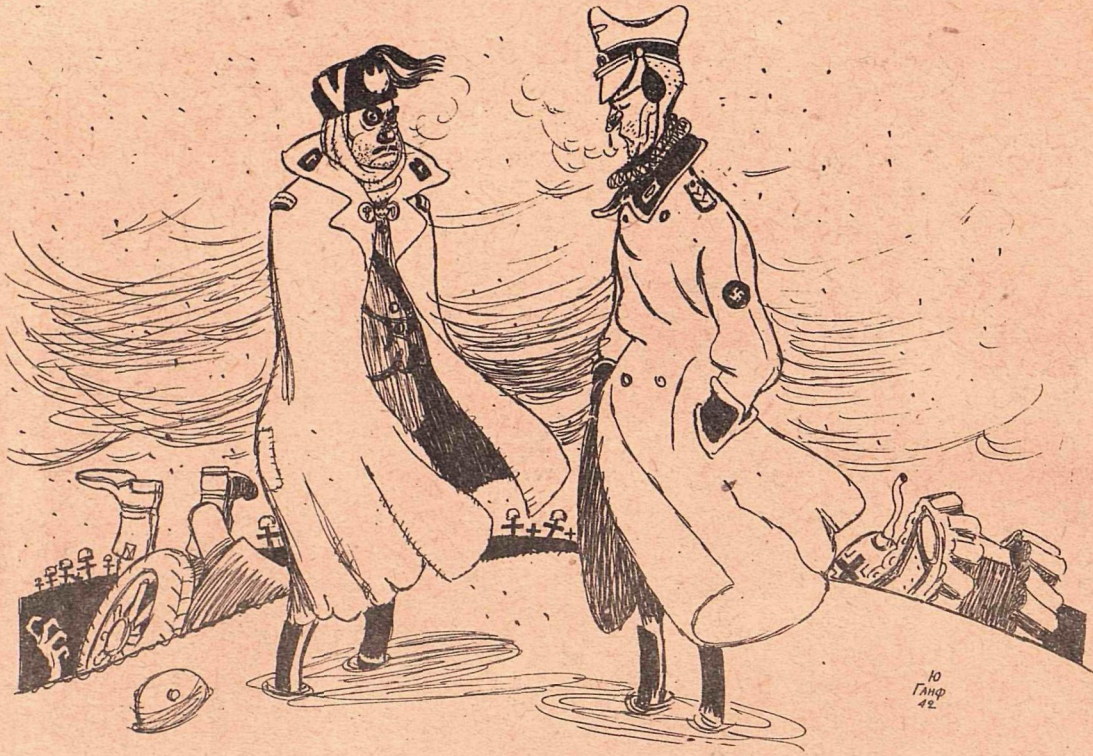
— Этого еще не хватало! — Кораблев взял боксера за горло и очень быстро убедил его в том, что крик этот не только бесполезен, но даже может плохо отразиться на здоровье боксера.

Когда красноармейцы узнали, какого гуся поймали разведчики, Кораблев стал знаменитостью. И с этого времени за ним в части укрепилось прозвище «боксер».

Конечно Кораблев вправе считать себя боксером: в конце концов из-за него окончилась спортивная карьера знаменитого мастера кожаной перчатки.

В. АРДАМАТСКИЙ

Ленинградский фронт.

— Ну, что, синьор, перегруппировали свою роту?
 — Так точно, господин оберлейтенант! Одного солдата я поставил на правом фланге, а другого... Впрочем, другой, кажется, уже убит.

Торг под Новгородом ✓

КОГДА-ТО в этот старинный русский торговый город приезжали немецкие купцы, желавшие на пятак купить полтину. Томнее: они меняли какую-нибудь побрякушку или кремневый самострел на полдюжину русских шуб. Не обманешь — не продашь...

И вот сейчас здесь, на передовых позициях, мы встретились с некоторым отзвуком старинного ярмарочного бытия города Новгорода. Жгучее, морозное утро. Красноармеец Василий Дудкин через заиндевший воротник своего бараньего полушубка замечает: над немецким окопом, находящимся всего в ста пятидесяти метрах, вдруг вырос какой-то плакат, где углем по фанерному листу было выведено:

«Рус! Отдай валенки — дам автомат».

Боец Дудкин — не новичок на фронте. Ему уже случалось видеть различные фанеромарания немцев. Но такое он читал впервые.

«Ишь, чего захотел, мерзляка проклятый!» — ехидно улыбаясь, подумал Василий Дудкин.

Он знал: немцы мерзнут и дохнут от холода. Не помогают им ни ворованные женские юбки, переделанные на штаны, ни детские чулочки, намотанные на шею вместо кашне.

— Нет, Фриц, дешево даешь! — уже вслух проговорил Дудкин. — Давай поторгуемся.

Опустившись в окоп, он быстро вывел углем на фанере ответ немецкому торгашу:

«Давай Гитлера — отдам одну портянку!»

Немец прочел надпись и тотчас опустил свой плакат. Новой надписи не появилось.

Вероятно, предприимчивый берлинский приказчик размышлял: не дорогоовато ли просит

русский солдат: за одну портянку целого «фюрера».

Пока немец прикидывал сравнительную стоимость своего «фюрера» и русской портянки, сорокаградусный мороз нагло вмешивался в его коммерческие расчеты. Мороз беспощадно жег отошедшего, зашнурованного фашиста. Вши кусали под одеждой, мороз кусал и под одеждой и сверх одежды.

Русская суконная портянка рисовалась продрогшему фашисту как какой-то мифический теплый плед из саксонской или сибирской шерсти.

Но ведь это только мечта!.. А красноармеец просит «фюрера»...

Немец быстро намалевал и выставил новые условия:

«Гитлера нет, отдам автомат за портянку».

— Э, нет! — возразил боец Дудкин. — У меня цена без запроса — снижать не буду.

Он ничего не стал писать немцу. Немец терпеливо держал над окопом свою надпись.

— Держи, держи, — продолжал рассуждать Дудкин. — Грейся своим гитлерякой, мотай его себе на шею, раз не хочешь менять на теплую вещь. А автомат твой мы и сами заберем скоро...

Так под стенами старинного торгового русского города Новгорода не состоялась коммерческая сделка, предложенная фашистским торгашом.

Боец Василий Дудкин твердо стоял на своем:

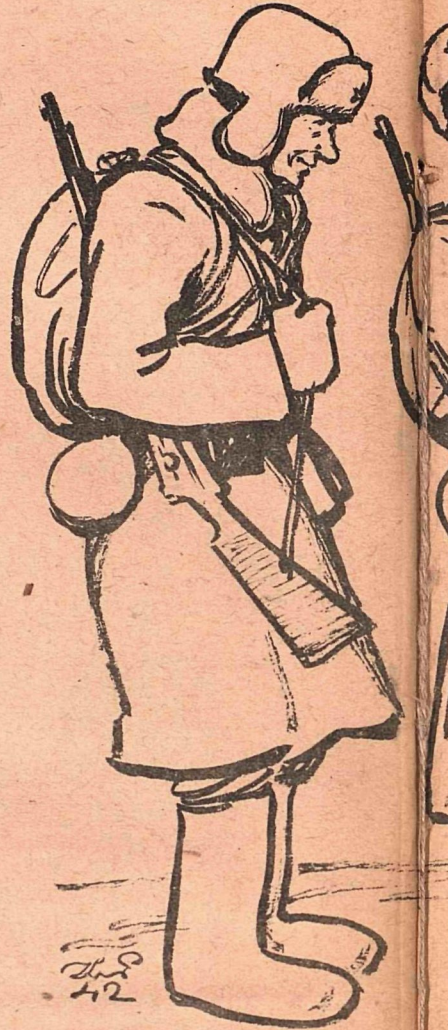
— Дай Гитлера — дам портянку.

А. ПОЛЯКОВ

Северозападный фронт.

ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

— Гитлер потерял счет убитым.
 — Но счет убитых Гитлеру сохранился.

— Что нового пишут?
 — Ничего, все по-старому: завалили новые трофеи.

Короткие

(Из блокнота военного)

— Вот Савельев — это культурный человек!
 — А мы что? Немцы?!

* * *

«Наш одет — фуфайка, ватные шаровары, шапка-ушанка, валенки, а немец — пилотка на ухе, френчик, холодные полсапожки... И танцует на морозе. Танцует уже в обратную сторону...» (Из красноармейского письма.)

* * *

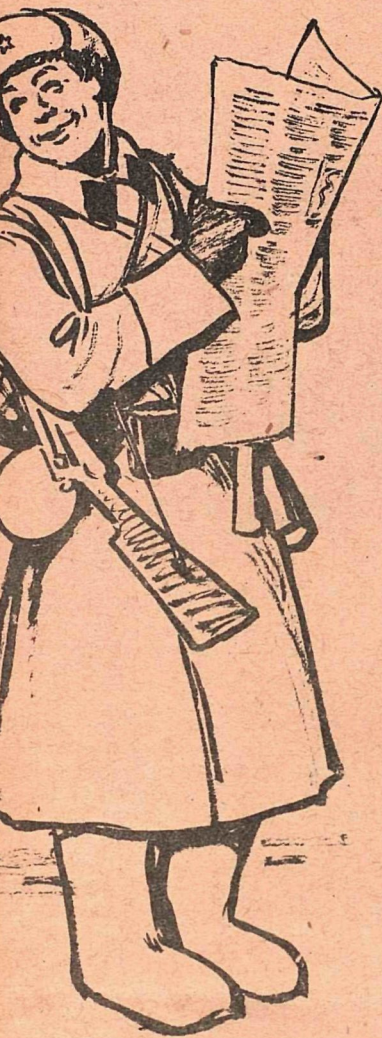
В освобожденной деревне Ушакове рассказывали:

— Помер у них унтер от перепоя, и ему на могилу пустые пол-литра поставили вверх доньшком...

* * *

Хозяйка избы вспоминает о захватчиках:
 — Очень они смеялись, когда увидели в углу брошенные лапти. А потом смотрим: сами обувают лаптишки, сапоги онучами обвертывают. Очень они тоже удивлялись на

АРОМУ

и новые населенные пункты и

— Кто это?
— Умалитенные. Специально набраны для психических атак.

Песнь о нашем генерале

Доворили два бойца
Ночью на привале.
Заводили два бойца
Песнь о генерале.
Каждый шел про своего,
Каждый им пордился:
— Нет на свете никого,
Кто бы с ним сравнился!
Что у вас генерал!
Вот у нас генерал!
Он вперед позовет — первым
наступает.

Боевой генерал,
Мировой генерал,
Его шуля не берет, бомба уважает!

А второй говорит:
— Много вы видали!
Помню бой я, — говорит, —
Мы Калинин брали...
Как повел нас генерал,
Немцу в тыл ударил.
Враг трофеи оставлял
И штаны оставил!

Что у вас генерал!
Вот у нас генерал!
В бой идет — враг не ждет —
проведет, обманет!

Ох, хитрец генерал,
Молодец генерал,
Если силой не возьмет, — хитростью
достанет!

Тут боец бойцу сказал:
— Хвастаешь ты что-то!

А имел твой генерал
О бойцах заботу?
Наш придет и заведет
Разговор открытый.
Ложки шей он не хлебнет,
Пока мы не сыты!

Что у вас генерал!
Вот у нас генерал!
С ним в штучки — пустяки. С ним
легки походы.

Удалец генерал,
Наш отец генерал!
Одним словом, мы за ним и в огонь
и в воду!

Говорили два бойца
Долго на привале.
Заводили два бойца
Песнь о генерале.
И боец боцку сказал,
Чай налив кипящий:
— У тебя, мол, генерал
Тоже подходящий.

Что у вас генерал,
Что у нас генерал —
На подбор, первый сорт. С ними
чорт нестрашен.

Боевой генерал!
Мировой генерал!
Нет храбрее, нет роднее генералов
наших!

Илья ФИНК.

Действующая армия.

Записи

(корреспондента)

ш самовар. А потом смотрим: уносят с со-
бой самовар и чайник забрали!

* * *

Старый крестьянин в освобожденной деревне
рассказывает:

— Офицер ворует вежливо: он с образова-
нием...

* * *

Человек в опорках уныло повествует:

— Пошел я к немецкому начальнику. «Ва-
ленки, — говорю, — ваши солдаты с меня сня-
ют». — «Где, — спрашивает, — эти валенки?» —
«Вот, на мне!» — «Ага! Ну что же, придется
взвуться!» Сам и отнял у меня валенки.

* * *

Они все спрашивали: далеко ли до Москвы?
Теперь можно совершенно точно ответить:
далеко!..

Л. МИТНИЦКИЙ.

Валдский фронт.

Непосильная задача

Недавно немецкое командование пригласило
на русский фронт группу болгарских журна-
листов. Среди журналистов оказался писатель,
работающий над романом из жизни уголовных
преступников.

— Скажите, — обратился он к немецкому
офицеру, — можете ли вы мне показать не-
сколько солдат, свирепых и кровожадных, как
дикие звери?

— Пожалуйста.

— А смогу я увидеть несколько грабителей,
насильников, мародеров?

— Сколько угодно.

— Простите, мне хотелось бы показать в
романе и двух — трех честных, хороших лю-
дей.

Офицер обиделся и сухо проговорил:

— К сожалению, в этом ничем помочь не
могу.

Лейтенант Вл. БЕЛЯЕВ

Действующая армия.

Рис. Б. Клинка

— Город очистили, теперь надо очищать город.

За «языком»

(Рассказ разведчика Кузьмы Ивановича Ветеркова)

ЛЕТОМ это дело было. Пошли мы со Шмельковым в разведку — «языка» добывать.

Задача была — обязательно офицера достать. Ночью, конечно, пошли. Пробрались в деревню, занятую немцами.

Одному часовому пришлось шахсей-вахсей сделать, мимо другого так прошмыгнули — мышьяным ходом.

Видим: в крайней избе огонек в окошечке. Мы туда. Заглянули — и слонки у нас потекли.

Сидит офицер, перед ним карта на столе, стакан чаю... Парабеллум тут же лежит и ручная граната, эстонская.

Шмельков мне шепчет на ухо:

— Идем возьмем!

Я ему:

— В избе не брать. Он такую ярмарку устроит — не обрадуешься. Обождем, пока он за нуждой пойдет. Здесь будем брать!

Залегли, ждем.

Не идет наш офицерик на улицу, что ты будешь делать!..

Шмельков шепчет:

— Может, он вовек за нуждой не пойдет?..

Может, он порченый какой?..

— Пойдет!.. Живая тварь!..

Второй час ждем, а он хоть бы хны! А ведь три стакана чаю выдул!..

— Жди, тебе говорят!

Ждем. Так ждем, как другая девка моего дружка на свиданьице не ждет. А он, чорт проклятуший, сидит — и ни в какую!..

— Пойдем, в избе возьмем!..

— В избе живым не возьмем. Обождем еще!..

Ждем. Немец сидит, колдует над картой. Вдруг встает он. Мы так и замерли со Шмельковым. А он, окайанный, уходит в темный угол и всю долгожданную процедуру исполняет в избе на наших глазах. Ах, волк

тебя заешь! И смех и грех!.. Мы аж зубами скрипим от злости.

Офицер ставит свой походный, извиняюсь за выражение, сосуд под лавку и опять садится за стол.

Тут заиграло у Вани Шмелькова сердце.

— Кузьма Иванович, — шепчет, — не нам, так никому!

С этими словами бросает он в окно к офицеру ручную гранату.

И начинается ярмарка! Стрельба, крик, шум!..

Мы задрами — и латапы в лес. Ушли подальше, сели под куст, вспоминаем, как офицера сгерегли, — смеемся. Но смеяться не смеется, а боевую задачу надо исполнять!..

Пошли лесом дальше. А уже рассвет, пташки запели. Выходим на полянку. Видим: лесника избушка. На порожке сидит ветхий дед-лесник, сумный такой.

— Здорово, дед! Чего горюешь?..

— Здорово, ребята!.. Пасеку мне разорили, потому и горюю!..

— Кто разорил-то?

— Медведь один повадился ходить!..

— Ты бы его на рогадку!..

— А он с автоматом, медведь этот!.. Немцы тут недалеко стоят. Унтер ихний каждое утро ко мне за медом ходит. С ведром!.. Придет, автоматом поиграет перед очами и ведро тычет: «Фатер, мед тавай!» Ласковый такой, чтоб он подавился медом моим, дьявол рыжий!.. Вон слышите: идет!..

Слышим: хрустит валежник. Мы деду наказали молчать, сами притаились, ждем. Вот, думаем, послала нам судьба-Акулька этого медведя на сиротское наше счастье, разведчикское!..

Идет унтер по лесу, хрустит валежником, чистым воздухом дышит и от удовольствия поет.

По-немецки мы со Шмельковым ни мур-мур, но притив я запомнил:

«Мейн либер Августин! Мейн либер Августин!»

Выходит унтер к избушке. Бравый, молодой, пилотка набекрень, в руках ведро, на плече автомат.

Сейчас к леснику:

— Гут morgen! Тавай мед, фатер!

Тут мы на него и расели.

Стоит унтер со связанными руками, глазами моргает, посерел. И меду не хочет!..

Вдруг слышим: кричат ему по-немецки из лесу, зовут.

Шмельков — штык немцу к горлу и по-русски:

— Говори: сейчас приду!..

Под штыком и сорочий язык поймешь, не то что человекий.

Немец в ответ кричит что-то по-своему. Что — не понимаем, но чувствуем: правильно отзывается, сейчас, мол, приду.

Шмельков опять штык в горлу, приказывает:

— Пой!

Что вы думаете: опять понял немец — запел! Сам путный, глаза навывкате, дух от него нехороший, а поет-заливается:

«Мейн либер Августин! Мейн либер Августин!..»

Опера — да и только!..

Солдаты немецкие услыхали: поет их начальник — и пошли себе.

Нам тоже задерживаться расчета нет. Выдал нам дед по ломтю хлеба с медом и говорит на прощанье:

— Ребята, а ведь кончат меня теперь немцы за этого унтера! Скажут: я его прекратил!..

Я говорю:

— Мы тебе, дед, на него квитанцию выдадим по всей форме.

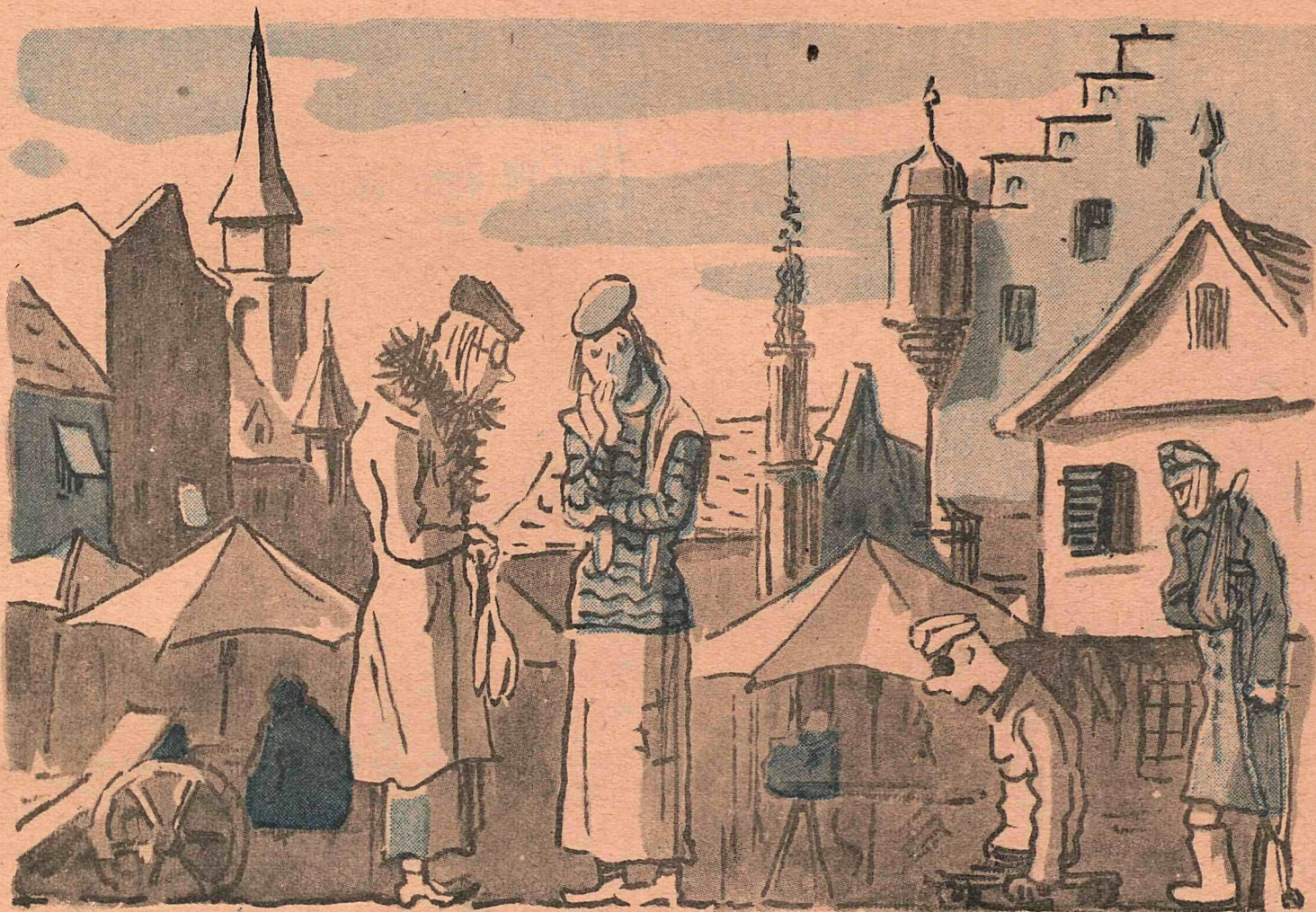
Выврал я из записной книжки листок и написал:

«Господа почтенные! Вашего унтера уведи мы. Старичок тут не причем — на него не обижайтесь. Снастливо оставаться».

Советские разведчики: Кузьма Иванович Ветерков, Шмельков Иван».

Расписались, картошкой вместо печати придавили и ушли лесом к своим. Топтыгина немецкого с собой уведи. Он в штабе потом много интересного рассказал.

Леонид ЛЕНЧ.

— А ваш муж, фрау Марта, вернулся домой?
— Да, частично.

✓ Немцам вместо крепдешина по мошле в три аршина

1

В сорок первый прозный год
Фриц отправился в поход.
Шел путем и без пути,
Знал, что надо привезти:
Марте швейную машину,
Двадцать метров крепдешину,
Также мыла пять кусков,
Гансу десять пар носков,
Берте шолку на подкладку...
Все записано в тетрадку
С аккуратностью немецкой,
Всем доподлинно известной.

2

Шли бандиты шолным скопом,
Жиди в ямах и окопах,
Шли бандиты в Ленинград —
Тут мы дали им «парад»!
Фриц в окопной зимней стуже
Был в четвертый день конлужен,
На двадцатый пишет Берте:

«Я хожу у края смерти,
Здесь веселый «тарарам»:
Партизаны по тылам,
Артиллерия гремит,
Минометы прохают,
У солдат унылый вид,
Все солдаты охают,—
Словом, кровь и месиво,
Словом, очень весело!
Все, что хочешь для души:
Бомбы, выugi, пули, вши...»

Фриц письма не дописал,
Фриц всего не досказал:
Он пранату на обед
Получил советскую,
Он отправлен на тот свет,
Гадина немецкая!
Он прищел за крепдешинном —
Взял могилу в три аршина!

Александр ПРОКОФЬЕВ.

Ленинградский фронт.

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

ДАЛЬНОВИДНЫЙ

— Фриц, я страшно озяб...
— Потерпи еще немного. Сейчас заговорит
русская артиллерия, тогда согреемся.
(«Победа за нами»)

УСПОКОЙТЕСЬ!

Одна мамаша из Берлина
Письмо на фронт прислала сыну.
Бе слова полны превоги:
«Ты так забрался далеко,
Что унесли обратно ноги,
Пожалуй, будет «телепка»!
Вы правы, «дорогая» фрау.
Купите поскорее праур
И успокойтесь: ваш сынок
Не увнесет обратно ног!»
(«Боевой призыв»)

ПЕРЕД АТАКОЙ

Среди захваченных в плен фашист-
ских солдат многие с серьезными физи-
ческими недостатками.
Немецкий офицер: — В атаку, без-
дельники! В атаку! Чего вы там копаетесь?
Солдат: — Осмелюсь доложить, господин
обер-лейтенант, это все Ганс. Он снова по
ошибке пристегнул себе мою ногу.
(«Фрунзовец»)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал—1 р. 20 к. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Рукописи не возвращаются.

Москва. Изд. № 102

Подп. к печати 18/II 1942 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 50126

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Зак. 485.

Тираж 200 000 экз.

НА СОВЕТЕ УЧИТЕЛЕЙ

Рис. Л. Бродати

— Поздравляем вас с юбилейными успехами! Особенно отмечаем успехи по усвоению уроков русской истории, географии, дисциплине и овладению «языками».

Период и серия	«Де-рецензия»	«Урн. лет»
ред.	4 III	
Доп.		
Сохр.		